

О современных тенденциях в сфере охраны личных неимущественных прав: частно-правовые и публично- правовые аспекты. Часть первая¹

О.Г. Барткова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Объектом исследования выступают личные неимущественные отношения, а также отношения по охране нематериальных благ. Целью работы является обоснование необходимости использования в условиях цифровизации системного и комплексного подходов в обновлении законодательства России в сфере регулирования и защиты личных неимущественных прав участников гражданского оборота, прежде всего физических лиц, на основе конституционных критериев оценки законодательного регулирования. Поставлены следующие задачи: дать характеристику современного состояния норм в составе Гражданского кодекса РФ, являющихся базовыми в механизме правового регулирования личных неимущественных отношений; выявить некоторые наиболее важные «болевые» точки в состоянии законодательства РФ в тех сегментах, которые наиболее близки к сфере охраны нематериальных благ и могут быть причинами нарушения таких прав; обосновать формирование концептуального и системного подходов в совершенствовании институтов регулирования и охраны личных неимущественных прав (нематериальных благ) с учетом баланса конституционно защищаемых ценностей, публичных и частных интересов, соблюдения принципов справедливости, равенства и соразмерности. Отмечено отсутствие в современной цивилистической науке единой целостной концепции для обновления и систематизации норм о личных неимущественных правах (нематериальных благах); выявлены некоторые несоответствия в нормах публичного и частного права, относящиеся к использованию терминов «цифровизация» и «цифровой», многообразие смежных с ними терминов, которые создают условия для возможных нарушений личных неимущественных прав граждан. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования авторских выводов в процессе дальнейшей исследовательской работы по выявлению пробелов в рассматриваемой области отношений и формулированию конкретных предложений о совершенствовании законодательства РФ, а также в ходе преподавания учебных дисциплин, которые относятся к изучению гражданского права России.

Ключевые слова: *личные неимущественные отношения, нематериальные блага, персональная информация, биометрические*

¹ Данная работа выполнена при информационной поддержке Компании СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.05.2025).

данные, цифровизация, цифровая платформа, искусственный интеллект, частная жизнь, гражданско-правовой механизм охраны, юридическая техника.

В первой части представляемого исследования автор предполагает указать на некоторые важные факторы, характеризующие современное состояние российского права, которые оказывают влияние на развитие гражданского права, включая нормы в составе гражданского законодательства РФ, призванные обеспечить охрану личных неимущественных прав. При этом автор подразумевает под носителями таких прав прежде всего физических лиц. Предмет отрасли гражданского права в концентрированном виде закреплён в ст. 2 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) через перечисление основных типов, видов общественных отношений, на которые направлено регулирование и охрана посредством применения норм указанной отрасли [1]. Нет необходимости в рамках представленного исследования подробно излагать доктринальные положения о классификации правоотношений, в основе которых лежит прежде всего такой критерий, как вид объекта гражданских прав.

Применительно к отрасли гражданского права одной из тенденций его развития является расширение круга объектов гражданских прав, а в контексте темы – также личных неимущественных прав. Основным показателем, характеризующим эту тенденцию, является не столько количественный показатель, сколько содержательный. Если в рамках обозначенной тенденции проводить сравнение объектов личных неимущественных прав с категорией объектов, которые относятся к различным видам имущества, то за последние 15 лет изменения, связанные с материальными объектами, нашли свое отражение в составе норм ГК РФ, что, на наш взгляд, является результатом систематической и целенаправленной работы законодателя в союзе с юристами-теоретиками и практиками. Об этом свидетельствуют итоги реализации Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, подготовленной на основе Указа Президента Российской Федерации от 18.07.2008 г. № 1108 «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» [7, 16]. Логичным продолжением ее явились и те изменения, внесенные в первую часть ГК РФ, благодаря которым были закреплены новые виды имущества (цифровые права и цифровые рубли), конкретизирован правовой режим отдельных имущественных благ, например таких, как машино-место, помещение, здание, сооружение, некоторых видов сложных имущественных комплексов и т. п.

Что касается объектов нематериального характера, то в этой сфере процесс развития правового регулирования соответствующих, прежде всего частно-правовых, отношений и их защиты не отличается

системностью, логичностью и другими качествами положительной оценки законотворчества. Достаточно сказать, что на данный момент нет какой-либо отдельной целостной концепции правовой охраны и регулирования гражданско-правовых отношений, где объектами выступают те, которые обладают общим свойством – нематериальностью (отсутствием вещественной формы).

Отдельная особо значимая среди них группа объединяет блага, именуемые в действующем законодательстве как нематериальные (ст. 150 ГК РФ). Если признать, что касательно охраняемых законом результатов интеллектуальной деятельности, которые также относятся к нематериальным объектам (ст. 1225 ГК РФ), институты соответствующей подотрасли гражданского права сложились, то о защите нематериальных благ, принадлежащих гражданину в силу рождения или на основании закона, такого не скажешь. Законодатель, как можно полагать, использует по отношению к ним, условно говоря, остаточный принцип. Достаточно обратиться к содержанию гл. 8 ГК РФ «Нематериальные блага и их защита», сравнив ее с Разделом II или Разделом III ГК РФ, а также с Разделом VII «Права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации»: становится очевидно такое отношение законодателя к этой сфере, которое явно нельзя назвать пристальным [2, 3]. Справедливости ради надо заметить, что и институты подотрасли, составляющие содержание Раздела VII, на современном этапе также объективно нуждаются в изменениях, что связано не только с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет, но и с появлением других явлений и объектов, требующих правового закрепления и конкретизации их правового режима.

Общей тенденцией, которая оказывает влияние на состояние современного права в целом и на рассматриваемые нами сферы регулирования в частности, безусловно, является цифровизация. Ее связывают с созданием и внедрением новых информационно-коммуникационных технологий (далее – ИКТ), причем уточним, **современных цифровых (электронных) технологий** (выделено автором – О.Г.). Такой вывод мы делаем из содержания Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденных Приказом Минкомсвязи России от 01.08.2018 г. № 428 (далее – Программа «Цифровая экономика», или Национальная программа) [17]. В этом же акте дано определение цифрового сервиса, цифрового оборудования, цифрового продукта (это отдельная программа для ЭВМ (приложение) для выполнения некоего конечного процесса).

Таким образом, ни в самом тексте Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. 04.06.2019 г.

президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам), ни в одном из федеральных законов мы не найдем дефиниций этих понятий, а также и большинства производных от них: цифровое пространство, цифровая среда, цифровые платформы, цифровые объекты, цифровая форма (объекта, например, РИД), цифровой контент, цифровой образ (в том числе субъекта) и т. п. Этими терминами изобилуют разнообразные источники, включая юридическую литературу, нормативно-правовые акты (чаще подзаконного характера) и даже ненормативные акты. При этом создается впечатление, что их авторы участвуют в каком-то негласном соревновании – включить в текст производные от этих слов наименования, порой не объясняя их значения либо приводя несколько описаний.

Все это создает правовую неопределенность. В ГК РФ мы не обнаружим не только определений этих понятий, но и простого упоминания этих терминов. И даже прилагательное «цифровой» используется в части первой, части второй, части третьей ГК РФ только в словосочетаниях: цифровые права, цифровой рубль, которыми обозначаются новые виды имущества, введенные в оборот. В части четвертой ГК РФ имеется четыре упоминания названного прилагательного в контексте того, как может быть обозначена информация для идентификации объекта смежных прав (ст. 1031, 1035 ГК РФ) и как один из способов изложения информации об авторском праве (ст. 1030 ГК РФ) [3]. Но ни в одном федеральном законе нет определений понятий, для которых используются эти термины, как и самих терминов. При этом словосочетание «цифровое пространство» присутствует, например, в Перечне поручений Президента РФ по итогам совещания с членами Правительства от 01.04.2025 г. [18], в Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий (утв. Распоряжением Правительства РФ от 30.12.2024 г. № 4154-рв) [14], в Письме Минобрнауки России от 07.10.2021 г. № МН-19/697 «О направлении методических рекомендаций по разработке стратегии цифровой трансформации образовательных организаций высшего образования, подведомственных Минобрнауки России», в Распоряжении ОАО «РЖД» от 18.07.2023 г. № 1792/р «О Кодексе деловой этики открытого акционерного общества “Российские железные дороги”» и в др. И это только единичные примеры.

Похожая ситуация с понятием «цифровая платформа» (или виртуальная платформа и другие подобные термины). Да, создание некоторых из них прямо предусмотрено в определенном федеральном законе в качестве особых информационных систем, имеющих специальные цели использования. Другие подобного рода платформы создаются на основе подзаконных нормативно-правовых актов. Например, «Единая централизованная цифровая платформа в

социальной сфере» предусмотрена в гл. 2.2 Федерального закона от 17.07.1999 г. № 178-ФЗ [12]; государственная единая облачная платформа, одноименное Положение о которой утверждено Постановлением Правительства РФ 10.07.2024 г. № 929, создана в соответствии с Национальной программой «Цифровая экономика РФ» [13]; общественная сетевая платформа управления правами на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации, обеспечивающая развитие сервисов управления такими правами в цифровой среде (СЕТЬ.РЦИС.РФ), оператором которой выступает специально созданное на основе Указа Президента РФ от 28.06.2021 г. № 378 юридическое лицо «Общероссийская общественно-государственная организация “Российский центр оборота прав на результаты творческой деятельности”»[5]. Учредителем его от имени Российской Федерации является Министерство цифрового развития РФ, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации.

Перечисление подобных цифровых платформ можно было бы продолжать и дальше. Закончу упоминанием еще одной – это единая биометрическая система (государственная информационная система «Единая система идентификации и аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных»). Определение такой системы закреплено в ст. 2 Федерального закона от 29.12.2022 г. № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» [9]. С учетом иных положений этого закона можно предполагать, что это также один из видов цифровых платформ. Хотя, строго говоря, это только предположение, если иметь в виду, что и в научной литературе можно встретить несколько аспектов использования рассматриваемого термина «цифровая платформа». Исследователи в этой сфере, признавая востребованность такого явления в коммуникационном и хозяйственном обороте, ставят порой очень высокие цели – создание национального платформенного законодательства и даже «платформенного права» [19].

Между тем, в Федеральном проекте «Нормативное регулирование цифровой среды», который является частью Программы «Цифровая экономика», в качестве одного из направлений было предусмотрено создание **системы** (выделено автором – О.Г.) правового регулирования цифровой экономики, которая основана на гибком подходе. Это же направление предполагало «внедрение гражданского оборота на базе цифровых технологий». В качестве итогов реализации этого проекта 30.12.2014 г. зафиксировано, что одобрена и обеспечена реализация концепций комплексного правового регулирования отношений,

возникающих в связи с развитием цифровой экономики. О какой концепции идет речь неясно. Если это «Концепция развития электронного документооборота в хозяйственной деятельности» (утв. решением президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 25.12.2020 г. № 34) [15], то совершенно точно она не может привести к комплексному правовому регулированию в связи с развитием цифровой экономики. В Разделе 6 Национальной программы, которая содержит дополнительную информацию, вновь предусмотрена «работа над концептуальными актами» для совершенствования законодательства в сфере цифровой экономики (без какой-либо конкретизации). Наконец, в указанных программных документах отсутствуют задачи, которые были бы направлены на создание специальных механизмов охраны прав и свобод граждан, принадлежащих им нематериальных благ в условиях формирования цифровой экономики. Видимо авторы этих программных документов исходят из того, что достаточно тех механизмов, которые уже существуют. Справедливости ради надо сказать, что 30.05.2025 г. вступают в силу изменения, внесенные в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях Федеральным законом от 30.11.2024 г. № 420-ФЗ, которые призваны ужесточить ответственность за нарушение законодательства в сфере обработки персональных данных [8]. Это, безусловно, является инструментом, предупреждающим такого рода нарушения при осуществлении деятельности операторов цифровых платформ.

Итак, какова была цель столь продолжительного «путешествия» по просторам информационного блока нормативно-правовых актов? Во-первых, совершенно очевидно, что большинство цифровых платформ используются для сбора персональных данных физических лиц, что дает основание заявлять о наличии связи этих инструментов с целым комплексом личных неимущественных прав граждан, включая право на частную жизнь и ее неприкосновенность. Во-вторых, такие платформы используются не только для оказания государственных и муниципальных услуг, но и для совершения действий, подпадающих под понятие «сделка». В-третьих, можно утверждать, что большинство таких информационных цифровых систем, платформ и т. п., безусловно, имеют общие признаки, структурные элементы, функции, принципы действия. Это позволяет, по мнению автора, сформулировать единое для них понятие или соотношение этих понятий (обобщить или разграничить), а также установить общие принципы их использования. С этой целью, как полагаем, не требуется принятие специального закона. Возможно внесение изменений в Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [10], где в ст. 2 необходимо предусмотреть понятие

«цифровая информационная платформа, виды платформ», а также закрепить, систематизировав, термины для обозначения смежных понятий, которые уже используются в нормативных актах. Как следствие, не придется каждый раз, встречая в тексте нормативно-правового акта термин «цифровая платформа», устанавливать его смысл. Если цифровая платформа – это элемент информационной системы или ее вид, то соответствующие изменения необходимо внести также в ст. 13 и ст. 14 названного федерального закона, в которых уже предусмотрен режим информационных систем. Кроме того, при совершении действий, осуществлении деятельности с использованием цифровых платформ, предназначенных для обработки персональных данных, биометрических данных, безусловно, специальными нормами будут нормы Федерального закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» [11] (далее – ФЗ № 152 и ПД соответственно), в котором прямо закреплены принципы и условия обработки ПД. Наконец, по мнению автора, системный подход в законотворческом процессе предполагает внесение изменений и в ГК РФ, в первую очередь в ст. 2. В названной статье следовало бы предусмотреть возможность применения положений гражданского законодательства РФ к отношениям, уже составляющим предмет гражданско-правового регулирования, возникающим между субъектами гражданского права с использованием информационных систем, включая цифровые. Такая формулировка является черновым вариантом, имея в виду потребность в точном понимании соотношения терминов информационная система и цифровая платформа. Использование словосочетание «цифровое пространство», на наш взгляд, характеризуется такой степенью неопределенности, что не может претендовать на статус правового понятия.

Как следствие, гл. 2 ГК РФ требуется также дополнить положениями, которые бы отражали особенности осуществления и защиты гражданских прав и юридических обязанностей в случаях использования информационных систем и цифровых платформ. Следуя принципам юридической техники, соответствующие изменения необходимы были бы и в других субинститутах гражданского права.

Другой важный фактор, характеризующий объективную обусловленность необходимости и неизбежности кардинального изменения системы охраны прав в целом и личных неимущественных прав в частности – это появление технологий искусственного интеллекта. Не останавливаясь подробно на истории нескольких попыток подготовки законодательного акта в этой сфере, констатируем, что специального федерального закона на данный момент нет. Отмечается, что его отсутствие на данный момент заменяют два программных документа: Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и утвержденная этим Указом «Национальная стратегия развития

искусственного интеллекта на период до 2030 года» (далее – Стратегия об ИИ) [6], а также Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года (утв. Распоряжением Правительства РФ от 19.08.2020 г. № 2129-р) [14]. Имеются значимые научно-практические исследования в этой сфере [20, 22]. Однако на содержании норм уже действующих законов, прежде всего ГК РФ как базового нормативно-правового акта в сфере охраны результатов интеллектуальной деятельности, имущественных и неимущественных прав участников гражданского оборота, это не отразилось. При этом, опираясь хотя бы на определение искусственного интеллекта, данное в Стратегии об ИИ (п. 5), можно утверждать, что составляющие его технологические решения и технологии, позволяющие имитировать когнитивные функции человека, распознавать и обрабатывать текст, речь, синтезировать речь, получать в ходе выполнения поставленных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности, порождают комплекс вопросов, рисков, в том числе в сфере охраны любого из личных неимущественных прав гражданина. Применяемые в настоящее время приемы аналогии закона или права в отсутствие норм прямого действия, точных дефиниций, юридических категорий и понятий, используемых в сфере ИИ, ясных и нормативно-закрепленных юридических конструкций прав, не являются надежным инструментом регулирования. Ни в доктрине юридической науки, ни в законотворческом поле не предлагается хотя бы проект системы изложения, структуры расположения соответствующих норм или в форме нового будущего федерального закона, или даже через механизм внесения изменений в уже действующий федеральный закон, в частности в ГК РФ. Поскольку это представляет самостоятельную область научного исследования, автор будет возвращаться в последующем к понятию искусственного интеллекта исключительно во взаимосвязи с отдельными личными неимущественными правами (нематериальными благами).

Совершенно очевидно, что уже два названных фактора – появление новых форм взаимодействия участников правовых отношений с использованием цифровых (электронных) технологий, а также новых технологий, объединенных общим понятием «искусственный интеллект», – требует от юридической науки и законодателя системного, целостного, практико-ориентированного подхода к фундаментальному изменению законодательства, в том числе в сфере охраны неотчуждаемых прав и свобод человека, принадлежащих ему нематериальных благ. Акцент в научной среде и в правотворческой деятельности исключительно на категории имущественных благ, объектов, создаваемых в процессе использования указанных технологий, свидетельствует о нарушении основных принципов юридической техники, используемой при обновлении законодательства.

По мнению уважаемого доктора юридических наук В.Д. Зорькина, «большие данные и искусственный интеллект как открывают для юридического сообщества окно возможностей, так и ставят нас перед угрозой потери самого духа права и его гуманистической сущности, неотделимой от этого феномена, учитывая, что право – это прежде всего разновидность именно социальных норм, т. е. это прежде всего права человека как члена социума» [21].

Список литературы

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г., с изм. от 31.10.2024 г.) // «СПС «КонсультантПлюс».
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 г. № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г.) // «СПС «КонсультантПлюс».
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 г. № 230-ФЗ (ред. от 22.07.2024 г.) // «СПС «КонсультантПлюс».
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 23.05.2025 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2025 г.) // «СПС «КонсультантПлюс».
5. Указ Президента РФ от 28.06.2021 г. № 378 «О создании Общероссийской общественно-государственной организации "Российский центр оборота прав на результаты творческой деятельности» // «СПС «КонсультантПлюс».
6. Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 (ред. от 15.02.2024 г.) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // «СПС «КонсультантПлюс».
7. Указ Президента РФ от 18.07.2008 г. № 1108 (ред. от 29.07.2014 г.) «О совершенствовании Гражданского кодекса Российской Федерации» // «СПС «КонсультантПлюс».
8. Федеральный закон от 30.11.2024 г. № 420-ФЗ (ред. от 23.05.2025 г.) «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // «СПС «КонсультантПлюс».
9. Федеральный закон от 29.12.2022 г. № 572-ФЗ (ред. от 28.12.2024 г.) «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // «СПС «КонсультантПлюс».
10. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 01.04.2025 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // «СПС «КонсультантПлюс».
11. Федеральный закон от 27.07.2006 г. № 152-ФЗ (ред. от 08.08.2024 г.) «О персональных данных» // «СПС «КонсультантПлюс».
12. Федеральный закон от 17.07.1999 г. № 178-ФЗ (ред. от 29.10.2024 г.) «О государственной социальной помощи» // «СПС «КонсультантПлюс».

13. Постановление Правительства РФ от 10.07.2024 г. № 929 «Об утверждении Положения о государственной единой облачной платформе» // «СПС «КонсультантПлюс».

14. Распоряжение Правительства РФ от 19.08.2020 г. № 2129-р «Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года» // «СПС «КонсультантПлюс».

15. Концепция развития электронного документооборота в хозяйственной деятельности (утв. решением президиума Правительственной комиссии по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 25.12.2020 г. № 34) // «СПС «КонсультантПлюс».

16. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009 г.) // «СПС «КонсультантПлюс».

17. Приказ Минкомсвязи России от 01.08.2018 г. № 428 «Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы “Цифровая экономика Российской Федерации”» // «СПС «КонсультантПлюс».

18. Перечень поручений по итогам совещания с членами Правительства (утв. Президентом РФ 01.04.2025 г. № Пр-706) // «СПС «КонсультантПлюс».

19. Алтухов А.В., Кашкин С.Ю. Правовая природа цифровых платформ в российской и зарубежной доктрине // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 7. С. 86–94.

20. Васин Е.О., Гвоздырева А.Д., Дейнека А.П., Замулина А.Ю., Кривошеева А.В., Незнамов А.В., Фокина С.А., Чаче Э.Г., Черемных И.А., Чурилова Д.Ю. Глобальный атлас регулирования искусственного интеллекта. Вектор БРИКС / под ред. А.В. Незнамова. 3-е изд., перераб. и доп. // Сетевая версия «СПС КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.05.2025).

21. Зорькин В.Д. Право будущего – это те же вечные ценности свободы и справедливости // РГ. 2023. 19 апреля.

22. Развитие законодательства о робототехнике и киберфизических системах. 12.11.2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://files.data-economy.ru/Docs/Dentons.pdf> (дата обращения: 10.05.2025).

Об авторе:

БАРТКОВА Ольга Георгиевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 1716-9636, e-mail: bartkova@mail.ru

On modern trends in the field of protection of personal non-property rights: private law and public law aspects.

Part one

O.G. Bartkova

Tver State University, Tver

The object of the study is personal non-property relations, as well as relations for the protection of intangible assets. The purpose of the work is to substantiate the need for a systematic and integrated approach in updating Russian legislation in the field of regulation and protection of personal non-property rights of participants in civil turnover, primarily individuals, based on constitutional criteria for evaluating legislative regulation. The following tasks are set: to characterize the current state of the norms in the Civil Code of the Russian Federation, which are basic in the mechanism of legal regulation of personal non-property relations; to identify some of the most important "pain points" in the state of legislation of the Russian Federation in those segments that are closest to the protection of intangible assets and may be the causes of violations of such rights; to substantiate the formation of a conceptual and a systematic approach to improving institutions for regulating and protecting personal non-property rights (intangible assets), taking into account the balance of constitutionally protected values, public and private interests, and respect for the principles of justice, equality and proportionality. The absence of a single holistic concept in modern civil science for updating and systematizing norms on personal non-property rights (intangible assets) is noted; some inconsistencies in the norms of public and private law related to the use of the terms "digitalization" and "digital" law, a variety of related terms that create conditions for possible violations of personal non-property rights are identified. citizens' rights. The practical significance of the research lies in the possibility of using the author's findings in the process of further research to identify gaps in the field of relations under consideration and formulate specific proposals for improving the legislation of the Russian Federation, as well as in the teaching of academic disciplines related to the study of Russian civil law.

Keywords: *personal non-property relations, intangible assets, personal information, biometric data, digitalization, digital platform, artificial intelligence, private life, civil law protection mechanism, legal technology.*

About author:

BARTKOVA Olga – PhD in Law, Associate Professor, Department of Civil Law, Tver State University (170100, Tver, 33 Zhelyabova St.), SPIN-код: 1716-9636, e-mail: bartkova@mail.ru

Барткова О.Г. О современных тенденциях в сфере охраны личных неимущественных прав: частно-правовые и публично-правовые аспекты. Часть первая // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 2 (82). С. 169–179.

Статья поступила в редакцию 25.05.2025 г.

Подписана в печать 16.06.2025 г.